

Хохлов

Владимир Сергеевич,

старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
(военной истории) Военной академии
Генерального штаба Вооружённых Сил
Российской Федерации,
к.и.н., член Союза писателей России,
полковник запаса

В огромном и постоянно умножающемся массиве информации о связи вообще и военной связи в годы Великой Отечественной войны в частности ее авторы, демонстрируя вопиющее невежество, нередко приводят материалы без должного внимания к подлинности событий и фактов, подкрепленных архивными источниками, тиражируют старые и плодят новые мифы.

Одним из застарелых мифов является миф о потере связи, а не потере управления войсками в начальный период Великой Отечественной войны.

Неудовлетворительная работа системы связи зачастую была следствием, а не причиной возникающих проблем. Если против танков, наступающих совместно с пехотой, вооруженной автома-тами, под прикрытием мощного огня артиллерии и минометов, при массивной поддержке авиации, выставить пехоту с трехлинейными винтовками и ручными противопехотными гранатами, то не поможет даже мобильная связь между всеми участниками боевых действий. Какой из нее будет толк, если не налажена должным образом система управления? Для уяснения истинных причин поражения необходимо ответить на вопросы: как работали органы управления

Войска связи в Великой Отечественной войне: цифры и факты

страной, вооруженными силами, фронтами, как были оборудованы пункты управления и как действовали средства управления, к которым и относится связь?

Почему Красная Армия не сумела отразить натиск немецко-фашистских войск и не смогла ответить на удар врага немедленным мощным и сокрушительным контрударом? Чем объяснить то, что огромные экономические и военные возможности нашей страны, созданные советским народом под руководством ВКП (б) в годы предвоенных пятилеток, оказались недостаточно использованными в начальный период войны, а Красная Армия была вынуждена отступать с тяжелыми потерями?

Исчерпав все причины поражения, десятки раз поменяв их градацию, так и не поняв неотвратимости и неизбежности катастрофы именно в условиях того времени, являющейся следствием неготовности страны к войне и небоеспособности армии и флота, «умники» пришли в итоге к техническому объяснению причин поражений 1941 года — отсутствию связи.

Этот изъян понятен даже на бытовом уровне: разрозненные и лишённые связи войска мало на что способны. А профессионалу, как мы уже знаем, и так известно, что потеря связи со старшим начальником и подчиненными и, как следствие, незнание сложившейся обстановки приводят части (войска) в состояние обреченности, они несут большие потери, частично переходят к партизанским действиям, частично попадают в окружение и бывают пленены, а группировки войск по этой причине не могут скоординировать свои действия.

Так был найден и назван один из главных виновников катастрофы сорок первого. Так пошла гулять по страницам учебников, книг, журналов и газет, звучать в эфире версия, что одной из главных при-

чин поражений Красной Армии в начальный период войны было отсутствие или нарушения связи.

Надо прямо признать, что, несмотря на энергичные меры командования и значительные усилия военных и гражданских связистов, связь в начальный период войны действительно работала с огромными перебоями и чрезвычайно неустойчиво. В течение первого дня войны Генштаб из-за нарушения связи в звене от дивизии до фронта не имел достаточно полной и достоверной информации о развивающихся событиях.

Какая могла быть проводная связь, базирующаяся на воздушных линиях Наркомата связи (НКС), если одной из основных задач перед ВВС, ВДВ любой армии мира является уничтожение сооружений сети связи страны и военной связи противника, а важнейшие объекты связи подлежат защите в первую очередь системой ПВО и войсками охраны тыла. И вермахт здесь тоже не был исключением. Как раз наоборот, он стремился любыми способами вывести из строя сооружения связи СССР. Виноваты ли связисты в том, что уже в первый день приграничных сражений армейские батальоны связи потеряли значительную часть личного состава, техники связи и транспортных средств? Они что (?) — сами должны были идти в бой и обеспечивать при этом связь?

Когда требовала боевая обстановка, связисты вместе со всеми участвовали в боях, но их главная задача — обеспечение связи. Связисты ли должны были завоевывать превосходство в воздухе? Есть вина связистов в том, что в результате бомбардировок нарушались линии связи? Обязаны ли связисты защищать их от воздушного нападения? Ответ на эти вопросы однозначен — нет. Так почему в этом случае в отсутствии проводной связи винят связистов?

Разве связисты ответственны за проведение отмотобилизования строительных и эксплуатационных частей связи, призванных обеспечивать эксплуатационное обслуживание проводных линий связи? Ответ — нет. По мобилизационному плану линейные части связи для приграничных военных округов поступали в их распоряжение после отмотобилизования с началом войны. Это установили не связисты, а Генштаб РККА. Неужели там не понимали, что даже сам процесс развертывания войск этих округов и мобилизации без войск связи будет затруднен?

Согласитесь, что не связисты определили, что в случае возникновения войны основным средством управления в оперативно-стратегическом звене будет проводная связь, и она будет полностью базироваться на воздушных линиях и местных узлах связи НКС, который с возложенной на него задачей их поддержания в эксплуатационной готовности не справился. Да и не мог справиться, так как формирование положенных ему для этого частей связи проводилось крайне медленно, а к месту работы они прибывали с большим опозданием, имея значительный некомплект имущества связи и слабо подготовленный личный состав.

Вина военных связистов заключается в недостаточной опытности частей связи в самостоятельном использовании местных проводных средств связи, а также в отсутствии хорошей их сработанности с местными органами НКС. В начальный период войны она явно была недостаточной. Начальники же областных управлений связи и руководящие работники их аппарата не отрешились от условий мирного времени и не сумели в большом объеме своей работы найти главное звено — обеспечение оперативной связи войск.

Следующий миф. Утверждение, что командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов и штаб фронта не имели связи с подчиненными войсками, является лукавым. Об этом свидетельствуют следующие факты. Кроме направления боевых донесений в Генштаб КА ими было отправлено в войска в период с 22 по 30 июня 1941 года: 21 боевое распоряжение, одна частная директива и один частный боевой приказ командующего фронтом; пять

распоряжений, 12 оперативных и семь разведывательных сводок штаба фронта; четыре директивы Военного совета фронта. Возникает закономерный вопрос: как же тогда готовились и направлялись в войска фронта эти документы, если не было связи? Для подготовки приказов, распоряжений, директив, сводок необходимо располагать докладами с мест о состоянии обстановки, которые тоже передавались по связи.

Штабом фронта в рассматриваемый период было получено от Полевых управлений 30 боевых донесений, из них: семь от 3 армии, 12 от 4 армии, два от 10 армии, девять от 13 армии и восемь от Управлений 2-го, 44-го, 47-го стрелковых корпусов и штаба гарнизона г. Борисова. Итого 38 донесений.

Затем после их обобщения и анализа разрабатывались эти документы и силами и средствами связи направлялись в войска. Так на каком же основании делаются обобщающие выводы об отсутствии связи?

«Главной проблемой Западного фронта была не связь, а «окно» в полосе Северо-Западного фронта, через которое к Минску прорвалась 3-я танковая группа Германа Гота. Против самого слабого советского особого военного округа немцами были сосредоточены далеко превосходящие силы, в том числе две танковые группы. Без труда, сокрушив оборонявшие границу части 8-й и 11-й армий, немецкие танковые группы глубоко вклинились в построение советских войск в Прибалтике. 4-я танковая группа двинулась на север, в направлении Ленинграда, а 3-я танковая группа развернулась на восток и юго-восток и из полосы Северо-Западного фронта вторглась в тыл Западного фронта. Даже если бы связь между штабом Западного фронта и подчиненными ему армиями была идеальной, предотвратить прорыв 3-й танковой группы Павлов уже не мог». Такой вывод сделал известный писатель и военный историк А. В. Исаев в статье «Сказка о потерянной связи», вошедшей в сборник «Мифы Великой Отечественной». Абсолютно прав Алексей Валерьевич, утверждающий, что «нельзя отрицать существенных недостатков в работе связи в Красной Армии 1941 года, но объявлять связь одной из главных причин по-

ражения неразумно... Штабы теряли связь с войсками тогда, когда они терпели поражение в обороне и были вынуждены отходить. Эти поражения имеют вполне определенное объяснение на стратегическом, оперативно-стратегическом, оперативном, оперативно-тактическом уровнях, и отсутствие каких-либо проблем со связью вряд ли бы существенно изменило обстановку. Да, сложность боевой обстановки на фронте привела к потере управления, что является причиной его потери, но следствием этой потери является массовое неисполнение конкретными должностными лицами своих служебных обязанностей, грубые просчеты в оперативном искусстве командиров и штабов высших степеней». Тем не менее утверждение, что отсутствие связи является одной из основных причин в начальный период войны, переписывается из одной работы в другую, соответственно с ошибками, допущенными в первой. В то же время следует особо подчеркнуть, что в послевоенный период и последующие годы была проделана достаточно масштабная работа по накоплению и систематизации материалов о роли и месте связи в годы Великой Отечественной войны. Но обстановка тех лет породила лакировку действительности, субъективизм в отборе и трактовке отдельных фактов. Игнорировались трудности, противоречия, неудачи, не анализировались и не показывались их истинные причины. Использовался по преимуществу иллюстративно-описательный метод исследования состояния и развития отечественной связи, причем в духе того времени.

С 90-х годов прошлого века, когда стали постепенно рушиться стереотипы, сниматься запреты, открываться архивы, активизировалась аналитическая критика, появились новые взгляды на события и факты Великой Отечественной войны, роль и место в ней связи. Но проблем меньше не стало, наоборот, без всестороннего и комплексного исследования, в различных трудах приводится масса фактов и сюжетов, малосвязанных между собой, но четко направленных лишь на одну цель — показать слабость связи, утвердить обывательское мнение, что именно она является одной из причин поражений в начальный период войны. Особенно

этим страдают нынешние СМИ, грешащие явной предвзятостью и сенсационным зудом.

В постсоветское время появились работы, в которых ведется речь об истинных причинах нарушения связи: неподготовленности и технической отсталости общесоюзной сети связи, малочисленности войск связи, их низкой укомплектованности и оснащенности средствами связи, недостаточно высоком уровне подготовки кадров. В Военной энциклопедии 1994 г. издания при перечислении причин поражений в начальный период войны указывается, что «положение усугублялось потерей управления войсками на ряде направлений Ставкой, командующими фронтами и армиями». То есть о потери связи не упоминается. Эта точка зрения в последние годы начинает занимать господствующее положение и во всех последующих публикациях. Истина начинает торжествовать, и это радует.

Огорчает и разочаровывает, что сами связисты плодят мифы, допускают ошибки. Большинство их работ создавалось к юбилейным датам в истории связи и отличается комплементарным и фактографическим характером изложения, а оценочные суждения чаще всего являются производными идеологических и политических установок КПСС и ведомственных интересов. Чтобы впредь не тиражировались не соответствующие действительности факты и статистические данные, которые автор данной статьи выявил при исследовании историографии отечественной связи, уточним некоторые из них.

Полковник И. Т. Пересыпкин назначен начальником ГУСКА, заместителем наркома обороны СССР с сохранением должности наркома связи СССР 22 июля 1941 г. (постановление ГКО №240 и постановление СНК СССР от 23 июля №1894). Освобожден он от должности заместителя наркома обороны 20 мая 1943 г. (постановление ГКО №3399 «О сокращении числа заместителей наркома обороны до двух человек»), а наркома связи — 20 июля 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета. Освобождение от должности наркома связи связано с децентрализацией руководства отечественной связью. По мере освобождения территории страны от оккупации возрос объем по ее

восстановлению и развитию, поэтому на И. Т. Пересыпкина возлагалось руководство только военной связью. Вместо него назначен К. Я. Сергейчук, а не Н. Д. Псурцев, который стал министром связи 30 марта 1948 года.

ГУСКА образовано 28 июля 1941 г. (постановление ГКО «Об улучшении работы Генерального штаба Красной Армии и центральных управлений НКО», приказ наркома обороны №0251 «О реорганизации УСКА в ГУСКА»). 5 августа 1941 г. ГУСКА перешло на штат 1/170 (первый штат после его организации, а всего он изменялся 15 раз).

И. Т. Пересыпкин не был генерал-майором, а сразу получил звание генерал-лейтенанта 27 декабря 1942 г. будучи замом наркома обороны СССР и начальником ГУСКА. 31 марта 1943 г. он стал генерал-полковником, а 21 февраля 1944 г. — маршалом войск связи.

В штаты Управлений связи фронтов и отделов связи армий приказом наркома обороны №244 23 июня 1941 г. введены политконтролеры (а не приказом №0243 от 23 июля 1941 г.).

Наркомат связи не находился в подчинении начальника ГУСКА, так как он не мог подчиняться структурному подразделению другого ведомства (Наркомата обороны), ими руководил один человек — И. Т. Пересыпкин.

Сержант Николай Новиков, совершивший героический подвиг в боях под Москвой, был представлен командованием дивизии к званию Героя Советского Союза (вышестоящее командование ходатайствовало об ордене Ленина) и посмертно награжден орденом Красного Знамени.

В состав войск связи в годы войны входило 4130 частей и отдельных подразделений связи, из них: узел связи НКО (узлом Генштаба он стал 4 июля 1946 г., когда ГУСКА было преобразовано в Управление связи Сухопутных войск); семь отдельных бригад связи; 163 отдельных полка связи; 1037 отдельных батальонов связи; 218 отдельных линейных и линейно-эксплуатационных батальонов связи; 47 отдельных батальонов восстановления железнодорожной связи; 33 отдельных ремонтно-восстановительных линейных батальона связи; 29 отдельных батальонов связи

резерва; 26 отдельных дивизионов связи; 42 отдельных радио-дивизиона «Осназ»; 885 отдельных рот связи; 426 отдельных кабельно-шестьевых рот; 365 отдельных телеграфно-строительных, телеграфно-телефонных рот; 223 отдельных телеграфно-эксплуатационных, восстановительных телеграфно-телефонных роты; 98 отдельных армейских рот и восемь отдельных радиорот ВНОС; 29 отдельных рот восстановления железнодорожной связи; шесть отдельных восстановительных отрядов связи; шесть отдельных телеграфно-строительных колонн; один поезд связи; три завода НКО; Центральная военно-техническая школа дрессировщиков.

Связисты в различных родах войск составляли от 10 до 25% к общей численности. К концу войны численность войск связи составила почти 10% от общей численности ВС СССР и с учетом частей и подразделений связи всех видов и родов войск достигала более одного миллиона человек, в том числе — более 130 тыс. женщин. В годы гражданской войны войска связи составляли примерно 2,5–3%, перед началом Великой Отечественной — около 5%.

По проценту убыли связистов войска связи были на третьем месте. В полевой артиллерии их потери составляли 8–10% за один день боя, а в общевойсковых частях и подразделениях — значительно больше. Во многих случаях за один день боя взводы связи стрелковых батальонов теряли до 70–80% личного состава. Особенно большие потери связисты несли при отступлении в первые месяцы войны, когда многие части и подразделения связи использовались как стрелковые войска.

В связи с отсутствием достаточных данных о принадлежности потерь к соответствующим родам войск за 1941–1942 гг. имеются только сведения о потерях войск связи за период с 1 января 1943 г. по 9 мая 1945 года. Безвозвратные потери за этот период составляют 5158 человек, из них: убито и умерло от ран на этапе санитарной эвакуации — 3159 человек; небоевые потери — 1380 человек; пропало без вести, попало в плен — 619 человек.

Санитарные потери (с эвакуацией в госпиталь) составили 22646 человек, из них: ранено, контужено, обожжено — 6744 человека; заболе-

ло, обморожено — 15902 человека. Всего потеряно 27804 человека.

Потери офицеров составили 24339 человек, из них более 50% в первый период войны, в том числе: 11172 погибло и умерло, а 13167 человек пропало без вести и попало в плен. Это составляет 2,5% от их общей численности.

Таким образом, безвозвратные потери войск связи составляют — 29527 человек. Приведенные данные о потерях военных связистов являются не полными, так как нет документальных сведений о потерях военных формирований НКС. Как нет и сведений о потерях среди женщин. Они формами отчетных документов отдельной строкой не выделялись, поэтому число погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих-женщин показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям, вместе с потерями всего личного состава.

Всего за годы войны военные училища связи подготовили 28266 офицеров, из них: в 1941 г. — 10781, в 1942 г. — 7854, в 1943 г. — 4707, в 1944 г. — 4268, в 1945 г. — 656. Военно-электротехническая академия связи подготовила и отправила на фронт 2759 офицеров, из них: в 1941 г. — 1224, в 1942 г. — 953, в 1943 г. — 296, в 1944 г. — 132, в 1945 г. — 154. Кроме этого было также подготовлено на академических курсах 1894 человека. Итого 4653 офицера.

В годы Великой Отечественной 303 воина-связиста удостоены звания Героя Советского Союза, что составляет 2,6% от общего их числа, девяти связистам за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указами Президента России в 1995–2000 гг. присвоено звание Героя Российской Федерации.

124 связиста стали полными кавалеры ордена Славы. Приказом Министра обороны СССР 17 военных связистов навечно занесен в списки воинских частей и военно-учебных заведений.

725 частей и подразделений связи были награждены орденами СССР. Среди них: семь — удостоены наград трижды: 6 отдельный гвардейский орденов Александра Невского, Красной Звезды и Богдана Хмельницкого полк связи; 96 отдельный Могилевский Краснознаменный орденов

Кутузова и Александра Невского полк связи; 225 отдельный гвардейский Львовский орденов Богдана Хмельницкого II степени, Кутузова III степени и Александра Невского авиационный полк связи; 57 отдельный линейный Силезский орденов Богдана Хмельницкого, Красной Звезды и Александра Невского батальон связи; 152 отдельный гвардейский орденов Богдана Хмельницкого, Красной Звезды и Александра Невского батальон связи; 571 отдельный гвардейский орденов Богдана Хмельницкого, Красной Звезды и Александра Невского батальон связи; 575 отдельная телеграфно-строительная орденов Александра Невского, Красной Звезды и Богдана Хмельницкого рота.

102 части и подразделения награждены орденами дважды, из них: 28 — полков; 44 — батальона; четыре — дивизиона; 26 — рот.

381 части и подразделению связи присвоено звание «гвардейских», из них: семи отдельным полкам связи, 199 отдельным батальонам связи, семи отдельным дивизионам связи и 168 отдельным ротам связи.

235 частям и подразделениям связи присвоены почетные наименования по названиям городов СССР и стран Европы, районов и местностей, в освобождении которых они принимали участие в составе своих объединений и соединений, а также форсированных рек.

Более чем в 220 приказах Верховного Главнокомандующего персонально отмечены отличившиеся организаторы связи — от начальников связи фронтов, армий, корпусов, дивизий до командиров частей и подразделений связи. Только в 1945 г. они отмечались 150 раз. Генерал И. Т. Булычев, начальник связи четырех фронтов, получил 29 благодарностей, вместе со всеми военнослужащими, как участник операций, отмеченных В. И. Сталиным без упоминания фамилий, и 20 благодарностей, где в этих приказах упоминалась лично его фамилия. В этих приказах отмечаются лично начальники связи фронтов генералы: А. И. Леонов (3-й и 2-й Украинские) — 21 раз, Н. А. Борзов (2-й Белорусский) — 20, И. И. Буров (3-й Белорусский) и Н. С. Матвеев (4-й Украинский) — 14, И. Ф. Королев (4-й и 3-й Украинские) — 11, П. Я. Максименко (1-й Белорусский) — 10,

К. А. Бабкин (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский) и Г. И. Синельников (1-й Белорусский и 3-й Прибалтийский) — 6, Д. М. Добыкин (Карельский) — 5, И. Н. Ковалев (Ленинградский) и П. К. Панин (2-й Прибалтийский) — 3, А. С. Яковлев — 2 (1-й Украинский).

Фамилии начальников связи армий упоминаются лично: П. П. Борисова (3-я гв. танковая армия) — 17 раз, И. М. Бахилина (2-я ударная армия) — 16, В. А. Борисова (65-я армия) — 14, И. Ф. Ахременко (13-я, всю войну возглавлял ее войска связи) — 13, Н. Я. Бельшева (20-я) — 12, Г. Ф. Мишина (3-я) — 11, В. П. Агафонова (27-я) и С. С. Нестерова (60-я армия) по 10 раз.

Чтобы не допускать искажений истории войск связи, в том числе их боевой деятельности в годы Великой Отечественной, надо говорить и писать языком документов, языком аргументов и фактов, а не тиражировать легенды и мифы, порождать инсинуации. Прежде всего необходимо привести в порядок исторические формуляры частей, вузов и учреждений, да и самого ГУС ВС РФ, написать его историю, своевременно сдавать документы в архивы. Также нужно отказаться от оголтелого отношения к прошлому, которое нам навязывают длительное время, и проявить минимальную добросовестность в изучении истории такой, какая она есть. История, как Родина и мать, у нас одна. Да, исказили, да переписывали в угоду политической конъюнктуре, но необходимо бережное отношение к истории своей страны и памяти людей, столь много сделавших для ее могущества.